

Судебные репрессии периода Первой русской революции в 1905 г.

© С.Б. Павлов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрены события судебных репрессий царской России начала XX в. В основе исследования архивные дела Фонда Департамента полиции ГАРФ, опубликованные документы и научные исследования. Показано, что репрессии царского режима проводились непоследовательно и не были такими жестокими, как принято считать. Отмечено, что их применение зависело от воли исполнительной власти, а результаты были далеки от поставленной цели.

Ключевые слова: репрессии, военные суды, царская Россия, министр внутренних дел, революционер, террор, власть

Некоторые трактовки исторических событий при ближайшем рассмотрении оказываются безосновательными, потому что в их основе обнаруживаются далекие от научного подхода публицистические мифы современников или идеологические установки. Их пересматривают иногда в соответствии с новыми идеологическими установками. Однако в случае Русской революции 1905–1907 гг. происходит возврат к прежним.

Ранняя советская историография вслед за левой и либеральной оппозицией современников оценивала репрессии царского режима как беспощадную, жестокую борьбу и называла его антинародным. Для таких исследователей, как криминалист-теоретик профессор М.Н. Гернет, эти оценки были продолжением его прежней, дореволюционной публицистики, направленной против смертной казни в России [1], а для С. Ушеровича — мстью прежней власти [2].

Далее советские историки только усиливали степень порицания царского режима. К. Солнцев называл военно-полевую юстицию орудием подавления эксплуатируемых, а режим — «военно-полицейской диктатурой» [3], Н. Ольшанский — кровавой юстицией [4]. Н.Н. Полянский отмечал надежды Николая II на карательную эффективность военно-полевых судов и удовольствие от их работы [5]. Авторы считали всех репрессированных революционерами, чтобы увеличить мартиролог казненных «борцов за свободу» как исторический счет преступлений самодержавия. Это стало общим тезисом в их работах.

Для обоснования осуждений публиковали архивные документы [6]. Отмечалось отсутствие точных данных числа репрессированных, и читатели доверяли преувеличенным и приблизительным данным современных публицистов. Редкой работой на фоне прочих выглядит труд Г. Филатьева, сосредоточившегося прежде всего на статистике [7].

После Великой Отечественной войны исследователи обращались к частным вопросам темы репрессий, это книга М.М. Глазунова и Б.А. Митрофанова, а также С.С. Титковой [8, 9]. Общие оценки событий сохранялись прежние, не изменились они и до настоящего времени.

В постсоветское время вместо историков рассматриваемой темой занялись юристы. В одном случае это нейтральные историко-юридические описания деятельности военных судов [10], в другом — осуждающе-клеймящие, как у эксперта Совета Европы, юриста К.П. Краковского [11]. С либеральных позиций он назвал военнопольные суды «кровавым чудовищем» и усомнился в их эффективности со ссылкой на В.Ф. Джунковского [12]. Таким образом, начатая юристами-либералами сто лет назад критика царского режима продолжилась в настоящее время современными юристами-правозащитниками.

Этой точке зрения следует возразить не из симпатии к царской России, но из научного интереса. Потому что подобные оценки, во-первых, не объективны, а во-вторых, что еще хуже, создают иллюзию окончания исследования, исчерпанности темы и снижают внимание к ней.

История судебных репрессий царского режима важна сама по себе, ибо в этой частной теме сокрыты ответы на многие принципиальные вопросы, и более того — специальные темы, ведущие в глубину исторического осмысления. Изучив материалы по данной проблеме, можно сделать вывод, что на самом деле представлял собой царский режим. Он существенно отличается не только от его парадного лица и от того, как представляли это лицо его враги, но и от принятых в настоящее время оценок. Наконец, сведения о репрессированных демонстрируют, с кем на самом деле боролся данный режим. В действительности он заслуживает порицания совсем не за то, за что его осуждают современные правозащитники, советские историки и тем более современная ему левая и либеральная оппозиция. «Кровожадность» этого режима надумана. Смертная казнь в России за общеуголовные преступления была отменена еще в середине XVIII в. и сохранялась, по Своду законов 1832 г., только за государственные преступления, некоторые воинские преступления и нарушение карантина. Такие преступления были редкостью. В первой половине XIX в. еще было наказание кнутом и шпигрутенами до тысячи ударов, что было равносильно смертной казни, причем в одной из самых негуманных ее разновидностях. Законами 17 апреля 1863 г. и 8 мая 1871 г. плети и шпигрутены были отменены [13]. При этом европейские государства, современные царскому

режиму, безжалостно и в самых широких масштабах карали уголовную преступность смертной казнью.

Для рассмотрения дел о важнейших государственных преступлениях и дел о служебных преступлениях высших должностных лиц с 1764 г. существовал Верховный уголовный суд, который не имел постоянного состава и собирался по особому распоряжению царя в отдельных случаях. А этих случаев за 150 лет было всего шесть — по делу подпоручика Мировича в 1764 г., по поводу убийства архиепископа Амвросия и чумного бунта в Москве 1771 г., по делу Е.И. Пугачева в 1774 г., по делу декабристов в 1826 г., Д. Каракозова и его товарищей в 1866 г. и А. Соловьева в 1879 г. [14].

Исполнение смертных приговоров не стало профессией в России в отличие от традиции Европы. Их осуществляли в местах лишения свободы отдельные уголовники за льготы в заключении или вольнонаемные «любители». Но это все было не следствием гуманности. Слишком много примеров ее отсутствия. Попутно заметим, судебная система царской России так и не стала единообразной на всей территории империи. Дальше проектов при Николае II дело не сдвинулось.

Ради самосохранения режим хоть изредка, но применял смертную казнь против политических преступников, а для защиты населения от уголовной преступности — нет, потому что люди для него были прежде всего объектами дисциплинарного воздействия и только потом носителями собственной воли и интересов. Зато в отношении уголовников режим руководствовался либеральным гуманизмом, каковой по большей части сохранился до конца его существования.

Только с ростом освободительного движения власть постепенно приспособливала судебную систему к более суровым репрессиям, сначала главным образом для их специализации. 7 июня 1872 г. было создано Особое присутствие Правительствующего Сената для рассмотрения наиболее важных дел о государственных преступлениях. Позднее особые присутствия были учреждены при судебных палатах, которых на 1901 г. было 13. По указу Александра II от 9 августа 1878 г. дела о важнейших государственных преступлениях и преступлениях против порядка управления стали передаваться в военные суды «для суждения их по законам военного времени» [10, с. 158].

Более распространенной проблемой государства пореформенного времени была не политическая, а уголовная преступность. Вводить смертную казнь за уголовные преступления власть не желала. Вместо этого еще при Николае I часть уголовных дел начали передавать из гражданских судов в военные, которые приговаривали уголовников к смертной казни в соответствии с Военно-судебным уставом [10, с. 109, 110]. В нем смертная казнь как единственный вид наказания предусматривалась в 19 случаях и в 9 как вариант вместе с другими

видами наказаний [15, с. 2062]. Позднее власть расширяла это право для власти в губерниях.

Военная юстиция царской России начала XX в. примерно соответствовала образцу германской юстиции, менее либеральной, чем французская. Ее низшей инстанцией были полковые суды, высшей — в каждом из 12 военных округов — военно-окружные суды, подчиненные Главному военному суду. Военно-судебный устав давал право военному начальству возбуждать судебное преследование и расследование, привлекать к судебной ответственности военнослужащих и гражданских лиц. Им были подсудны военнослужащие на действительной военной службе, лица воинского звания, не состоящие на воинской службе, чины запаса, гражданские чиновники военного ведомства, военнослужащие и гражданские как соучастники преступления против интересов воинской службы. Закон предусматривал опротестование и кассацию решений военно-окружных судов не только в мирное, но и в военное время [16, с. 650–657; 17].

Закон от 8 апреля 1879 г. дал право генерал-губернаторам Санкт-Петербурга, Москвы, Харькова, Одессы, Киева и Варшавы по своему усмотрению передавать в военные суды дела об общеуголовных преступлениях. Они пользовались этим правом в единичных случаях [10, с. 158, 159]. 14 августа 1881 г. Александр III утвердил Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Согласно п. 17 и 18 этого документа, в губерниях, объявленных на положении усиленной охраны, губернаторы и генерал-губернаторы, или выполняющие их функции военные власти, получили право после предварительного дознания (жандармская и общая полиция) и следствия (судебные следователи) передавать через военную прокуратуру дела об особо тяжких преступлениях на рассмотрение военно-окружных судов для судопроизводства по законам военного времени. Последовавший приговор утверждали те же генерал-губернаторы. Они могли заменить наказание более легким с разрешения царя, которому делали соответствующее представление через министра внутренних дел (с 19 мая 1905 г. через военного министра) [1, с. 62]. В прочих местностях, не объявленных в исключительном положении, министру внутренних дел по соглашению с министром юстиции было предоставлено право предавать военному суду гражданских лиц за преступления государственные, а также за некоторые преступления против порядка управления [18].

Положения давали право администрации контролировать допущение на службу и увольнение от нее в мировых судах, в учреждениях земского и городского самоуправления. Она также получала право обыска и ареста по одному только подозрению в совершении преступления или принадлежности к противозаконному сообществу и высylать под гласный надзор полиции [19, с. 21, 32–36].

Уже 4 сентября 1881 г. на положении усиленной охраны были объявлены губернии: Петербургская, Московская, Харьковская, Полтавская, Херсонская, Бессарабская; градоначальства: Одесское, Таганрогское, Бердянское, Воронеж с уездом, Ростов-на-Дону, Мариупольское, Керчь-Еникальское; отдельные уезды в Крыму: Симферопольский, Евпаторийский, Ялтинский, Феодосийский, Перекопский. В 1882 г. на положении усиленной охраны объявили Николаев.

Это временное Положение, введенное на 3 года, продлевалось и действовало постоянно. В 1901 г. усиленную охрану ввели в следующих губерниях: Самарской, Виленской, Владимирской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Казанской, Ярославской, Томской, Нижегородской, Саратовской, Тифлисской, Бакинской. И до 1905 г. к ним присоединились губернии Киевская, Волынская и Подольская.

К концу 1903 г. Положение распространялось на площади 850 000 кв. верст с населением свыше 30 млн человек. В 1905 г. вместо «усиленной охраны» появилась «чрезвычайная охрана» и «военное положение», которое вводилось в местах, пребывавших на усиленной охране в течение 25 лет. А с началом революции 1905–1907 гг. исключительные права, даваемые Положениями, были предоставлены властям по всей Российской империи [20, с. 32] и остались за ними до конца существования царской России.

При таком широком распространении Положений 14 августа 1881 г. военная подсудность, на которую они давали право местным властям, до начала революции 1905–1907 гг. использовалась мало, а наказания смягчались. По политическим делам к военному суду долго никого не привлекали. С 1902 г. в военные суды передавали только те дела гражданских лиц, которые предполагали смертную казнь, таких было несколько. Но привели в исполнение только приговор В.С. Балмашеву, убийце министра внутренних дел Д.С. Сипягина в 1902 г., «а по остальным делам смертная казнь была заменена ссылкой в каторжные работы на сроки, к которым приговорил бы и общий суд» [19, с. 25]. Вообще в 1901 г. военно-окружным судам было предано 210 гражданских лиц, в 1902 г. — 365, в 1903 г. — 296, в 1904 г. — 331. (Для сравнения: военных за это время проходило через военные суды в среднем около 20 000 чел. в год.) К смертной казни за 1901–1904 гг. было приговорено военными судами 67 человек, вместе военных и гражданских [15, с. 2062, 2067]. Но казнили только часть приговоренных, например из 11 в 1904 г. — 7 [21, л. 61]. Вероятно, крайняя умеренность в применении военной юстиции объясняется широко распространенными либеральными настроениями не только в обществе, но и во власти [22].

Возможно, по тем же причинам в 1903 г. отложили введение разрабатывавшегося 20 лет нового Уголовного уложения, ужесточавшего наказания. Власть ввела только отдельные его положения о государственных преступлениях — 7 июня 1904 г., главы третья «О бунте

против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», четвертая «О государственной измене» и пятая «О смуте» [23, с. 81–86].

Либерально настроенная общественность, особенно адвокаты, выступали против смертной казни как таковой, а власть общественности боялась. Так продолжалось впоследствии, а преступность всех видов в это время угрожающе росла.

Власти на местах широко использовали право административной высылки, ареста и другие меры Положений 14 августа 1881 г., которые только раздражали население и оправдывали антиправительственные настроения. И когда во время так называемой Политической весны П.Д. Святополк-Мирского власти вознамерились пересмотреть исключительные законы и поинтересовались эффективностью карательных мер, выяснилась их бесполезность. Директор Департамента полиции А.А. Лопухин написал в своей записке от 28 декабря 1904 г., что чиновники, боясь ответственности, решались на исключительные меры только по указке сверху, наказывая при этом не тех, кто угрожал основам режима, а тех, кто доставлял им больше хлопот. Незаконное владение оружием выяснялось только после его применения, а в других, удобных для себя случаях власть приравнивала к оружию даже камень. В крупных городах полицейские функции нижней инстанции выполняли дворники (где у обывателей хватало денег за это отдельно платить!), а полиция перекладывала на них свои обязанности. Злоупотребление произвольными арестами, обысками и высылками только способствовало ненависти против режима и т. п. [19, с. 26–30].

Однако власть, уже тогда терявшая почву под ногами, не решалась ничего менять. Обстоятельства «Политической весны» соединили карательные меры с либеральными в уродливо-причудливую композицию. Так, после крестьянских волнений весны 1902 г. под Полтавой и Харьковом распоряжением от 5 мая 1903 г. в 50 губерниях была учреждена по воинскому образцу специальная полицейская стража, чтобы ее вместо войск использовать для подавления беспорядков [6, с. 67, 68]. Но применять оружие ей разрешалось только для самообороны согласно Уложению о наказаниях уголовных. И стражников привлекали к ответственности за нанесение ран и убийства при выполнении ими своих обязанностей. Так продолжалось до 1906 г.

Началась Русская революция 1905–1907 гг., но «весна» продолжалась. И собравшийся 10 февраля 1905 г. для пересмотра исключительных законоположений Комитет министров под председательством С.Ю. Витте практических решений не принял. Хотя в эффективности существовавшей репрессивной политики сомневались не только сравнительно либеральный А.А. Лопухин, но и совсем не либеральный сенатор П.Н. Дурново, который предложил упрощенное судопроизводство

для дел об охране государственного порядка «по примеру некоторых западных государств» [20, с. 35–38]. Но решений не последовало.

События развивались в худшем для царского режима направлении. Власть не знала, что делать, и, как водится в таких случаях, обратилась за ответом к западному опыту. Во второй половине июня 1905 г. шталмейстера Фриша и статского советника Дерюжинского командировали за границу «для ознакомления с теоретической и практической постановкой вопроса о государственной и общественной охране» (в публикации не указано, какой именно Фриш, предположительно Эдуард Васильевич, и какой именно Дерюжинский, предположительно Владимир Федорович) [6, с. 47]. Не помогло. И власть по-прежнему, не имея представления об эффективной системе борьбы с преступностью, продолжала реагировать по ситуации.

Когда возникла необходимость в развертывании широких репрессий, военно-окружные суды стали широко использоваться как по прямому назначению, так и по Положениям 14 августа 1881 г. 25 августа 1905 г. начальник Главного судебного управления Военного министерства В.П. Павлов напоминал главнокомандующим военных округов, что они должны не давать хода кассационным жалобам подсудимых военно-окружных судов, хотя они почти никогда не подавали такие жалобы. Одновременно министра внутренних дел просили дать соответствующее разъяснение генерал-губернаторам [1, с. 88]. Товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов в телеграмме губернаторам от 12 октября 1905 г. распоряжался: «Принять решительные меры подавления, не останавливаясь перед применением вооруженной силы. Особенное внимание обратите на охрану правительственных учреждений, главным образом почт и телеграфов на случай железнодорожных забастовок» [6, с. 47]. 16 сентября 1905 г. он просил наместника на Кавказе не пропускать кассационных жалоб на приговоры [1, с. 90]. Но либеральные уступки власти убеждали оппозицию всех видов в том, что власть ее боится, и тем стимулировали оппозиционеров гораздо больше, чем могли запугать редко применяемые и часто смягчаемые репрессии. В этой атмосфере произошла Всеобщая октябрьская политическая стачка.

Затем в результате Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего новые свободы и права, репрессии вообще были существенно ограничены. Глава нового «объединенного правительства» С.Ю. Витте всерьез рассчитывал таким путем склонить на свою сторону либералов и привлечь их в правительство, ибо в них видели тогда ни много ни мало вождей революции. Прошла частичная амнистия, коснувшаяся даже армии. Из 185 дел о политических преступлениях в войсках 52 были прекращены «за силою Именного Высочайшего указа от 21 октября» [23, с. 33].

Было ограничено применение военной юстиции. 26 ноября 1905 г. управляющий МВД уведомил военного министра А.Ф. Редигера (секретное отношение № 5457), что после Манифеста 17 октября 1905 г. следует передавать дела гражданских лиц в военные суды «лишь при обстоятельствах и в делах исключительной важности, и при условии крайней необходимости, так как широкое применение военной подсудности не согласовывалось бы с одобренным Высочайшею властью стремлением к ограничению действия исключительных законов». Это было доведено до сведения всех военных прокуроров и военно-окружных судов. Только Курляндский генерал-губернатор генерал-лейтенант В.А. Бекман вопреки данному распоряжению передавал в военно-окружные суды и менее важные дела [21, л. 98, 98 об.].

В новых обстоятельствах «конституционного режима» премьер-министра С.Ю. Витте, когда вместо ожидаемого властью умиротворения революционная среда открыто начала подготовку вооруженного восстания, вновь явились идеи усиления репрессий. Но власть боялась получить в ответ вооруженное восстание и потому все еще надеялась примириться с обществом. Она с ужасом ждала начала работы первой Государственной Думы, в которой ей виделся прообраз Генеральных штатов Великой французской революции.

Поворотным моментом стало известие о готовящемся восстании в Москве, полученное в ночь с 6 на 7 декабря 1905 г. Тогда после встречи министра внутренних дел П.Н. Дурново с Николаем II власть решилась на превентивные полицейские репрессии, которыми было предотвращено вооруженное выступление в Санкт-Петербурге [22, с. 419]. Плохо организованные и еще хуже руководимые восстания в Москве и других городах были подавлены армией. Во время карательных экспедиций генералов А.Н. Меллер-Закомельского и П.К. Ренненкампа в Сибири, В.В. Сахарова и Ф.В. Дубасова в Центральной России и др. революционеров казнили (в том числе и без суда), как при военном положении. Поэтому уже первые историки того времени считали позднейшее учреждение военно-полевых судов простым узаконением карательной практики [6, с. 79]. Данное обобщение некорректно, потому что армия, подавлявшая вооруженные восстания, подчинялась непосредственно царю, а министр юстиции — Совету министров объединенного правительства. И пока его возглавлял С.Ю. Витте, ничего принципиально не меняли. 29 декабря 1905 г. последовал циркуляр министра юстиции И.Г. Щегловитова прокурорам не проявлять снисхождения [6, с. 79], но это был только окрик.

Продолжение исследования — в работе «Судебные репрессии периода Первой русской революции в 1906–1907 гг.». Общие выводы для обеих работ сделаны в ее окончании.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гернет М.Н. *История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 4.* Москва, Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР, 1954, 248 с.
- [2] Ушеревич С. *Смертные казни в царской России: К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год.* Харьков, Всеукраинский совет общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933, 503 с.
- [3] Солнцев К. Воинская преступность в царской армии и военно-уголовная репрессия в годы первой революции и реакции. *Советское государство*, 18 декабря 1936, № 6, 126 с.
- [4] Ольшанский Н. Юстиция крови (реакция и столыпинское премьерство). *Красная летопись*, 1925, № 2, с. 134–143.
- [5] Полянский Н.Н. *Эпопея военно-полевых судов. 1906–1907 гг.* Москва, Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934, 109 с.
- [6] Дрезен А.К., ред. *Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 г. Сборник документов.* Москва, Государственное социально-экономическое изд-во, 1936, 259 с.
- [7] Филатьев Г. Дореволюционные военные суды в цифрах. *Каторга и ссылка*, 1930, № 7, с. 138–167.
- [8] Глазунов М.М., Митрофанов Б.А. *Перед особым присутствием.* Москва, Юридическая литература, 1980, 127 с.
- [9] Титкова С.С. Разработка Уголовного уложения и применение его в борьбе с революционным движением. *Правовые проблемы истории государственных учреждений. Межвузовский сборник научных трудов.* Свердловск, Свердловский юридический институт им. Р.А. Руденко, 1983, с. 81–86.
- [10] Петухов Н.А. *История военных судов России.* Москва, Норма, 2003, 345 с.
- [11] Краковский К.П. *Политическая юстиция в России во второй половине XIX — начале XX в.* Москва, Юрист, 2012, 733 с.
- [12] Джунковский В.Ф. *Воспоминания. В 2 т.* Москва, Изд-во им. Сабашниковых, 1997–1998.
- [13] Смертная казнь. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/95081/%D0%A1%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F (дата обращения 19.04.2026).
- [14] Судостроительство. Верховный уголовный суд. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/98148/%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%BE%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата обращения 19.04.2026).
- [15] Берман Я. Деятельность военно-окружных судов (по данным отчета Главного военно-судного управления). *Право*, 1913, № 36, с. 2061–2072.
- [16] Военно-уголовный суд. *Гранат. Энциклопедический словарь.* URL: <https://granat.wiki/enc/v/voenno-ugolovnyy-sud/> (дата обращения 19.04.2026).
- [17] Военно-судебное ведомство. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/23250/%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE (дата обращения 19.04.2026).
- [18] Военные суды. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/23286/%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5 (дата обращения 19.04.2026).

- [19] Покровский М.Н., ред. Записка директора Департамента полиции А.А. Лопухина от 28 декабря 1904 г. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. *Документы и материалы по истории народов СССР*. Москва, Соцэкгиз, 1936, с. 23–31.
- [20] Покровский М.Н., ред. Журнал заседания Комитета министров по вопросу о пересмотре исключительных законоположений 10 февраля 1905 г. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. *Документы и материалы по истории народов СССР*. Москва, Соцэкгиз, 1936, с. 31–45.
- [21] *ГАРФ*. Ф. 102 (Департамент полиции) 7 делопроизводство, оп. 203, д. 8, т. III, 1906.
- [22] Павлов С.Б. *Опыт первой революции: Россия 1900–1907*. Москва, Академический проект, 2008, 654 с.
- [23] *Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1905 год*. Санкт-Петербург, Военная типография (в здании Главного штаба), 1907, с. 33.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Павлов С.Б. Судебные репрессии периода Первой русской революции в 1905 г. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 4. EDN XQJMUV

Павлов Сергей Борисович — канд. ист. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: pavlovsb@bmstu.ru

Judicial Repressions during the First Russian Revolution of 1905

© S.B. Pavlov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The events of judicial repressions in tsarist Russia at the beginning of the twentieth century are examined. The study is based on archival files from the fond of the Police Department preserved in the State Archive of the Russian Federation (GARF), as well as on published documents and scholarly research. It is shown that the repressions carried out by the tsarist regime were implemented inconsistently and were not as severe as is commonly believed. It is noted that their application was largely determined by the will of the executive authorities, while the results achieved were far from the intended objectives.

Keywords: repression, military courts, tsarist Russia, Minister of Internal Affairs, revolutionary, terror, government

REFERENCES

- [1] Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyurny* [History of the tsarist prison]. In 5 Vols. Vol. 4. Moscow, Vsesoyuznyy institut yuridicheskikh nauk NKYu SSSR, 1954, 248 p.
- [2] Usherovich S. *Smertnye kazni v tsarskoy Rossii: K istorii kazney po politicheskim protsessam s 1824 po 1917 god* [Capital punishment in tsarist Russia: on the history of executions in political trials from 1824 to 1917]. Kharkov, Vseukrainskiy sovet obschestva politkatorzhan i ssylno-poselentsev, 1933, 503 p.
- [3] Solntsev K. Voinskaya prestupnost v tsarskoy armii i voenno-ugolovnaya repressiya v gody pervoy revolyutsii i reaktsii [Military crime in the tsarist army and military criminal repression during the years of the first revolution and reaction]. *Sovetskoe gosudarstvo*, 1936, no. 6, 126 p.
- [4] Ol'shanskiy N. Yustitsiya krovi (reaktsiya i stolypinskoe premiyerstvo) [Justice of blood (reaction and Stolypin's premiership)]. *Krasnaya letopis*, 1925, no. 2, pp. 134–143.
- [5] Polyanskiy N.N. *Epopeya voenno-polevykh sudov. 1906–1907 gg.* [The epic of field military courts, 1906–1907]. Moscow, Izdatelstvo Vsesoyuznogo obschestva politkatorzhan i ssylno-poselentsev, 1934, 109 p.
- [6] Drezen A.K. (ed.) *Tsarizm v borbe s revolyutsiey 1905–1907 g. Sbornik dokumentov* [Tsarism in the struggle against the revolution of 1905–1907: collection of documents]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1936, 259 p.
- [7] Filat'ev G. *Dorevolyutsionnye voennye sudy v tsifrakh* [Pre-revolutionary military courts in figures]. *Katorga i ssylka*, 1930, no. 7, pp. 138–167.
- [8] Glazunov M.M., Mitrofanov B.A. *Pered osobym prisutstviem* [Before the special judicial presence]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980, 127 p.
- [9] Titkova S.S. *Razrabotka Ugolovnogo ulozheniya i primeneniye ego v borbe s revolyutsionnym dvizheniem* [The development of the criminal code and its application in the struggle against the revolutionary movement]. In: *Pravovye problemy istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy. Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Legal problems in the history of state institutions. Interuniversity collection of scholarly papers]. Sverdlovsk, R.A. Rudenko Sverdlovsk Law Institute, 1983, pp. 81–86.

- [10] Petukhov N.A. *Istoriya voennykh sudov Rossii* [History of military courts in Russia]. Moscow, Norma Publ., 2003, 345 p.
- [11] Krakovskiy K.P. *Politicheskaya yustitsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Political justice in Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. Moscow, Yurist Publ., 2012, 733 p.
- [12] Dzhunkovskiy V.F. *Vospominaniya* [Memoirs]. In 2 vols. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovoykh, 1997–1998.
- [13] Smertnaya kazn [Capital punishment]. *Entsiklopedicheskiy slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/95081/%D0%A1%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F (accessed 19 April 2026).
- [14] Sudoustroystvo. Verkhovnyy ugolovnyy sud [Judicial system. Supreme criminal court]. *Entsiklopedicheskiy slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/98148/%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%BE%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (accessed 19 April 2026).
- [15] Berman Ya. Deyatel'nost' voenno-okruzhnykh sudov (po dannym otcheta Glavnogo voenno-sudnogo upravleniya) [Activities of the military district courts (based on the report of the main military judicial administration)]. *Pravo*, 1913, no. 36, pp. 2061–2072.
- [16] Voенно-ugolovnyy sud [Military criminal court]. *Granat. Entsiklopedicheskiy slovar*. Available at: <https://granat.wiki/enc/v/voenno-ugolovnyy-sud/> (accessed 19 April 2026).
- [17] Voенно-sudebnoe vedomstvo [Military judicial department]. *Entsiklopedicheskiy slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/23250/%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE (accessed 19 April 2026).
- [18] Voенnye sudy [Military Courts]. *Entsiklopedicheskiy slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/23286/%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5 (accessed 19 April 2026).
- [19] Pokrovskiy M.N. (ed.). Zapiska direktora Departamenta politzii A.A. Lopukhina ot 28 dekabrya 1904 g. [Memorandum of the director of the police department A.A. Lopukhin dated December 28, 1904]. In: *Tsarizm v borbe s revolyutsiyey 1905–1907 gg. Dokumenty i materialy po istorii narodov SSSR* [Tsarism in the struggle against the Revolution of 1905–1907. Documents and materials on the history of the peoples of the USSR]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1936, pp. 23–31.
- [20] Pokrovskiy M.N. (ed.). Zhurnal zasedaniya Komiteta ministrov po voprosu o peresmotre isklyuchitel'nykh zakonopolozheniy 10 fevralya 1905 g. [Minutes of the meeting of the committee of ministers on the revision of exceptional legislative provisions of February 10, 1905]. In: *Tsarizm v borbe s revolyutsiyey 1905–1907 gg. Dokumenty i materialy po istorii narodov SSSR* [Tsarism in the struggle against the Revolution of 1905–1907. Documents and materials on the history of the peoples of the USSR]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1936, pp. 31–45.
- [21] GARF. F. 102 (Departament politzii) 7 deloproizvodstvo, op. 203, d. 8, vol. III, 1906.
- [22] Pavlov S.B. *Opyt pervoy revolyutsii: Rossiya 1900–1907* [The experience of the first revolution: Russia, 1900–1907]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008, 654 p.
- [23] *Vsepoddanneyshiy otchet Voyennogo ministerstva za 1905 god* [Most loyal report of the war ministry for 1905]. St. Petersburg, Voyennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba), 1907, p. 33.

Pavlov S.B., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: pavlovsb@bmstu.ru